

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XXIII

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
(История, этнография, культура)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

В. С. Кузнецов

**«СИНЬЦЗЯН ТУЧЖИ» КАК ИСТОЧНИК
ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СИНЬЦЗЯНА
КОНЦА XIX в.**

«Синьцзян тучжи» («Историко-географическое описание Синьцзяна с картами») выделяется среди специальных работ о Синьцзяне.

Разносторонность тематики, богатство фактического материала делают «Синьцзян тучжи» одним из наиболее ценных источников для изучения истории, экономики, культуры Синьцзяна. Однако вплоть до настоящего времени нет ни одного более или менее полного обзора указанного сочинения¹.

Судя по предисловию, книга написана в 1911 г. коллективом авторов (71 человек), которых «возглавил» военный губернатор Синьцзяна Юань Дахуа. В основу этого сочинения положены записки путешественников, правительственные документы, донесения чиновников, руководивших проведением тех или иных мероприятий в крае, а также личные наблюдения составителей.

Если политические события в Синьцзяне в конце XIX в. в целом нашли более или менее подробное освещение в исторической литературе, то этого никак нельзя сказать об экономической истории края в указанный период. Цель статьи — изложить основные сведения «Синьцзян тучжи» об экономической политике цинского правительства в Синьцзяне в конце XIX в.

Хозяйственные мероприятия цинского правительства в Синьцзяне в конце 70-х годов XIX — начале XX в. проходят под девизом «ликвидации последствий» антицинского восстания 1864—1877 гг., охватившего весь Синьцзян и сопредельные с ним провинции собственно Китая. «Ликвидация последствий» имела целью не только реставрировать, но и упрочить устойчивости инационального режима, сметенного во время восстания. Подавление его повлекло за собой катастрофическое расстройство экономики Синьцзяна. Глубочайший упадок переживало сельское хозяйство. В Илийском крае, например, через десять лет после восстания обрабатывалось менее $\frac{2}{10}$ прежней посевной площади [2, цз. 101, л. 11а].

Потребность в большем количестве зерна для снабжения армии, расквартированной в Синьцзяне, со всей остротой поставила вопрос об освоении пустующих земель в малозаселенной Джунгарии. Кроме того, правительство стремилось создать дополнительный источник денежных поступлений в казну. Земельный налог взимался не только натурой, но и деньгами.

Начальная колонизация Джунгарии с момента завоевания ее Цинской империей осуществлялась посредством насаждения следующих форм землевладения: *бинтунь* (военные поселения китайских солдат), *цзяньтунь* (поселения ссыльных), *цитунь* (знаменные, или маньчжурские, поселения), *хэйтунь* (поселения уйгуров, высланных из Кашгарии), *хуэйтунь* (поселения гражданских переселенцев из собственно Китая) (см. подробнее [1]).

Цзяньтунь из-за своей нерентабельности были ликвидированы еще в первой половине XIX в. Поселения уйгуров, или таранчей, перестали существовать после восстания 1864—1877 гг. Стоял вопрос о целесообразности возрождения военных поселений. «После мятежа (т. е. восстания 1864—1877 гг.— В. К.) невозможно восстановить старую систему [военных поселений]», — докладывал трону генерал-губернатор провинции Шэньси — Ганьсу Цзо Цзунтан, мотивируя это тем, что система, при которой солдаты несут воинские обязанности и занимаются земледелием, «подобна вычерчиванию круга левой рукой, а квадрата — правой. А эти две фигуры никак нельзя совместить. Получается именно так, что и солдаты-воины не способны воевать, и солдаты-землепашцы не могут пахать» [2, цз. 93, л. 46].

Однако из-за нехватки рабочей силы сразу отказаться от использования солдат-землепашцев власти не смогли. Так, в Урумчи существовали военно-пахотные поселения и в последние десятилетия XIX в. Но одновременно всех непригодных к службе солдат из армии переводили на положение земледельцев, свободных от несения воинской службы. Им нарезали наделы на пустующих землях, ссужали семенами и деньгами на приобретение скота и инвентаря. Размер надела, получаемый отставными солдатами, зависел от численности их семей [2, цз. 93, л. 46]. Первое время эти землевладельцы не платили арендную плату, а государство закупало у них излишки хлеба по нормированным ценам.

В некоторых местностях возник своеобразный тип пахотных поселений, так называемые *гунтунь* (общественные поселения). Они создавались тыловыми частями армии на покинутых населением землях. Но, как отмечали в своих донесениях чиновники, такие поселения не были военными. В дальнейшем предусматривалось передать эти поселения крестьянам.

Судя по материалам «Синьцзян тучжи», с конца 70-х годов XIX в. освоение пустующих земель в Джунгарии осуществлялось путем раздачи наделов отставным солдатам и их род-

ственникам, местным безземельным и малоземельным жителям, переселенцам из собственно Китая. Последние были крайне неоднородны по своему составу: среди них имелись крестьяне и ремесленники, отправившиеся на поселение по вербовке, лица без определенных занятий и места приписки, а также преступники, ссылаемые по этапу. Было решено также направлять на поселение в Синьцзян ссыльных из семи центральных провинций. Но особых поселений из ссыльных уже не образуют, а расселяют их вместе с другими переселенцами.

На один двор переселенцев выделялось 60 му земли [2, цз. 101, л. 206]. Такое положение сохранялось примерно до 1882 г. Имеются сведения также и о том, что каждый двор получал 60, 90 и 120 му [2, цз. 28, л. 3а]. Различия в размере надела, очевидно, определялись качеством земли.

Новые поселения создаются по образцу старых военных поселений: два человека составляют двор, десять дворов — десятидворку, во главе которой ставился староста. Члены десятидворки на основе круговой поруки отвечали за уплату полученных от казны денег и семян.

Насколько эффективными в итоге оказались мероприятия по освоению пустующих земель? Согласно обмеру, произведенному в 1911 г., обрабатываемая площадь в Синьцзяне не превышала 10—20% пустошей и залежей [2, цз. 30, л. 56], а земли, годные для возделывания, невозможно учесть [2, цз. 28, л. 2а]. Таким образом, имелись огромные возможности в расширении посевных площадей. Однако «с момента учреждения провинции² и до настоящего времени прошло уже 20 с лишним лет, как пишут составители „Синьцзян тучжи“, а запашка не увеличилась» [2, цз. 65, л. 46]. Причинами они называют нехватку средств для оказания помощи переселенцам, отсталость сельскохозяйственной техники, недостаток ирригационных сооружений и т. д. Но, на наш взгляд, именно обострение процесса социальной дифференциации в общей массе частных землевладельцев, усиление эксплуатации мелкого производителя со стороны цинского государства тормозили увеличение запашки. Об этом в «Синьцзян тучжи» сообщается очень скупо. Тем не менее встречаются весьма характерные признания вроде того, что «народ ленится заниматься земледелием», переселенцы стремятся вернуться обратно и не имеют желаний засеять поля и возделывать сады.

Показательны мероприятия властей в области земельного обложения. В 1878 г., т. е. непосредственно после подавления восстания, в Кашгарии и Джунгарии земельный налог взымали без установленной нормы. С 1879 г. повсеместно стали собирать налог в размере $\frac{1}{11}$ урожая [2, цз. 97, л. 256]. А вскоре правительство сочло целесообразным изменить сам принцип земельного обложения. Налог стал определяться согласно категории земли. В 1881—1884 гг. были установлены три такие ка-

тегории. К первой относилась земля, где росла полынь; ко второй — та земля, на которой произрастала трава *лунсуй* (рогоз), к третьей — земля, где рос камыш или наблюдалась большая засоленность почвы.

Новая система обложения в первую очередь служила интересам казны. Так, Цзо Цзунтан писал: «Новый налог не убыточен. [С переходом на новый порядок обложения] непрерывно станут увеличиваться [налоговые поступления]» [2, цз. 97, л. 26а].

Переход на трехстепенное обложение был осуществлен в 1881—1884 гг.

В Джунгарии новое уложение о земельном налоге распространялось на уезды Дихуа, Чанцзи, Фукан, Суйлай, Цитай, Цзямуса, Хутуби (все уезды были подведомственны округу Чжэнди). С 1 му уплачивалось: на землях первой категории — 7 шэнов (1 шэн=1,035 л), средней категории — 4 шэна, низшей категории — 3 шэна зерна [2, цз. 30, л. 4а].

В Кашгарии земли были подразделены на три разряда. С 1 му участка первой категории уплачивалось 4—5 шэнов зерна и 5 цзиней (1 цзинь=596,8 г) сена, средней категории — 3 шэна зерна и 3 цзиня сена, низшей категории — 1—1,5 шэна зерна и 2 цзиня сена [2, цз. 30, л. 4а].

Под предлогом уплаты контрибуции по протоколу 1901 г. земельный налог в Синьцзяне был увеличен. Известно, что в 1902 г. с каждого даня зерна, сдаваемого в уплату налога, дополнительно взималось 1 цянь 5 фэней (1 фэнь= $\frac{1}{100}$ ляна) серебра. Годом позже нормы обложения возросли. Фуражное зерно сдавалось более чем с половинной надбавкой на «утруску». Так, при сборе налога вместо 1 даня брали 1 дань 5 доу 5 шэнов [2, цз. 30, л. 5а]. Налоговое бремя усугублялось еще и массовыми злоупотреблениями администрации. «Не имевшие совести чиновники в организованном порядке взимали налоги сверх нормы. Обостряли обстановку до крайности; дело доходило до того, что вдвойне брали против предельной цифры» [2, цз. 30, л. 4б].

Очевидно, положение крестьян стало совершенно невыносимым, если властями было отдано приказание взимать налог по-прежнему. Однако в 1908 г. вступают в силу новые правила расчета по земельному налогу, которые узаконили обременительные поборы. Снова стали взимать 1 цянь 5 фэней серебра за каждый сдаваемый дань зерна; осталась и добавка на «утруску», правда, 2 доу 5 шэнов против прежних 5 доу 5 шэнов [2, цз. 30, л. 5а].

Восстание 1864—1877 гг. поставило правительство перед серьезной необходимостью решить финансовую проблему: денежная система Синьцзяна находилась в состоянии развала. Повсеместно ощущалась острая нехватка разменной монеты.

Как известно, основу денежного обращения в Синьцзяне,

как и в собственно Китае, составляло серебро. Обращалось оно не в виде монет, а в слитках, оценивавшихся по весу и пробе. Весовой единицей измерения служил лян. Медная разменная монета в крае была не стандартной: в Кашгарии, например, обращались хунцянь, или пулы, в Джунгарии — чжицянь, или чохи. В южном Синьцзяне после ниспровержения цинского господства чеканилась серебряная монета таньга.

После подавления восстания в 1877 г. командующий Чжан Яо наладил в Куче отливку новой серебряной монеты. По виду она была схожа со старой таньгой, только на ней указывался номинал: чистого серебра 5 фэней [2, цз. 35, л. 96]. Выпуск новой монеты осложнил финансовую ситуацию в районе. В обращение вошли как новая таньга кучаского образца, так и старая, чеканенная при Якуб-беке. Различия между ними в обращении не делали; и та и другая шли по одному обменному курсу. Падению стоимости новой монеты немало способствовали подделка и порча серебряных денег.

В 1880 г. по инициативе Цзо Цзунтана в Ланьчжоу (провинция Ганьсу) начали чеканить новую серебряную монету для Синьцзяна. Она выпускалась достоинством в 1 цянь (отсюда и пошло ее название). Но вскоре чеканку цяней прекратили из-за чрезмерных расходов, вернее, из-за нехватки серебра.

Военный губернатор Синьцзяна Лю Цзиньтан предложил «расширить отливку хунцянь, чтобы ликвидировать таньга» [2, цз. 35, л. 10а]. Предложение Лю Цзиньтана Пекином было принято. Чжицянь было решено не выпускать, на что имелись достаточные основания. Чжицянь и хунцянь немного отличались по весу, но последняя из-за высокого качества металла имела более высокий обменный курс: 500 хунцянь приравнялось к 1 ляну серебра, 2 тыс. чжицянь — к 1 ляну серебра [2, цз. 99, л. 76]. Поэтому представлялось гораздо экономичнее пустить в обращение именно хунцянь. Тем самым намечалось унифицировать денежную систему Синьцзяна.

Из-за нехватки меди для выпуска монеты переливали пришедшие в негодность пушки. С 1882 г. в отдельных уездах юга крестьян обязывали в счет поземельного налога вместо зерна сдавать медь [2, цз. 34, л. 10а].

Однако все усилия удовлетворить спрос рынка на медную монету не достигают цели. Ее по-прежнему не хватало. Решили даже завезти в Или 70—80 тыс. связок медных денег из провинции Ганьсу [2, цз. 35, л. 3а]. Среди многих причин нехватки медных монет источник указывает на неудовлетворительный рост добычи меди, а также на то, что хунцянь, сделанные из качественной меди, в больших количествах вывозились за пределы Синьцзяна.

Недостаток разменной монеты послужил толчком к эмиссии бумажных ассигнаций небольшого достоинства. К 1888 г. из Кашгара поступает прошение на высочайшее имя о разреше-

нии на выпуск бумажных денег. В 1889 г. Илийскому монетному двору было приказано изготовить из клеенки ассигнаций на сумму 170 тыс. лянов (в переводе на серебро) [2, цз. 35, л. 46].

Монетный двор в Дихуа (Урумчи) за период с 1890 по 1897 г. дважды выпускал кредитные билеты. Изготавливались бумажные деньги и в Аксу.

Наряду с выпуском медной монеты и бумажных денег местная администрация предпринимает ряд мер, направленных на то, чтобы изъять таньга из обращения. Так, известно, что в 1888 г. власти округа Шулэ (Кашгар) собирали таньга у населения.

Со всей остротой встает вопрос о чеканке серебряной монеты. Имевшие хождение слитки серебра были крайне неудобны в повседневных торговых сделках, и их явно не хватало. Хуан Гуанда, даотай Аксу, в своем прошении (1893 г.) следующим образом мотивировал необходимость выпуска серебряной монеты: «Поскольку серебряные деньги не обращаются, то торговать трудно» [2, цз. 35, л. 10а].

В 90-х годах серебряные юани отливались уже на монетных дворах Дихуа, Аксу, Кашгара.

Однако таньга, видимо, имела хождение и после появления серебряных юаней. Об этом говорит, например, следующее замечание в прошении даотая Кашгара Чжу Мяньюна (1902 г.): «За последнее время построили монетный двор. Отливают серебряные юани. А при использовании таньга по-прежнему [следует] взвешивать [их] на вес. Может быть, народ постепенно поймет, что юни неудобны... и сами [люди] откажутся от [их] употребления» [2, цз. 34, л. 166].

Таким образом, все попытки цинского правительства стабилизировать денежную систему Синьцзяна ни к чему не привели. «То, на что опирается [денежное] обращение, всего лишь бумажные деньги, не имеющие цены», — отмечено в источнике [2, цз. 34, л. 16].

Торговая политика Цин в Синьцзяне с конца 70-х годов XIX в. определялась задачей увеличения казенных сборов. Характерно в этом отношении введение лицзиня — внутренней таможенной пошлины. Введение лицзиня принесло значительные доходы казне. Только за период с осени 1878 до лета 1879 г., т. е. меньше чем за год, за счет лицзиньных сборов поступило более 180 тыс. лянов серебра [2, цз. 31, л. 316].

В 1885 г. учреждаются таможенные управления в Хами и Гучэне, которые облагают налогом товары, ввозимые из внутренних провинций Китая. С каждого ляна стоимости товара взималось 3 фэня серебра.

При продаже изделий и товаров, произведенных в Синьцзяне, власти на месте брали $\frac{3}{10}$ рыночной стоимости.

В дальнейшем обложение внутренней торговли становится все более обременительным. Для выплаты контрибуции по про-

токолу 1901 г. требовались огромные суммы. Государственная же казна пустовала. Сельское хозяйство переживало упадок. Освоение новых земель в Синьцзяне, как докладывал трону военный губернатор Жао Иньци, продвигалось плохо, и «налога поступало мало» [2, цз. 31, л. 7а]. Осталось одно — выжимать деньги из торговли, тем более что, по мнению сановников, «благодаря состоянию народа [это] не в ущерб» [2, цз. 31, л. 7б].

В 1902 г. в Синьцзяне учреждаются шесть таможенных управлений, а через год — еще одно. По новому таможенному уставу товары китайских купцов облагались двойной пошлиной: *цишуй* и *лодишуй*. Первая уплачивалась за ввоз и транзит, вторая — за продажу товара. Часто случалось так, что товар при перевозке из одной местности Синьцзяна в другую облагался *лодишуй*, но при отсутствии здесь на него спроса перевозился дальше и, следовательно, облагался *цишуй*. На месте сбыта снова взимали *лодишуй*. При этом выходило, что один и тот же товар до продажи облагался пошлиной до 4—5 раз.

Все это не могло не породить острого недовольства торговцев. «Уже неоднократно купцы громко жаловались», — отмечено в источнике [2, цз. 31, л. 11б]. В конце концов правительству пришлось пойти на некоторое изменение системы пошлинного обложения. По Уставу о едином налоге на товары, принятому в 1908 г., товары облагались один раз; одновременно взимались пошлины за привоз и за продажу.

Таковы общие сведения по экономической политике цинской администрации в Синьцзяне в конце XIX в. Они показательны в том отношении, что раскрывают формы и методы, посредством которых Цин пыталась не только удержать за собой утраченную было окраину, но и в известной степени смягчить остроту экономических трудностей, переживаемых собственно Китаем.

Богатство фактического материала — основное достоинство «Синьцзян тучжи». Однако зачастую оценка тех или иных мероприятий страдает предвзятостью: сказываются социальная принадлежность и классовая ограниченность мировоззрения авторов.

¹ Э. М. Гэйл называет его одним из интереснейших источников, не сообщая больше никаких сведений.

² В 1883 г. Синьцзян, прежде в административном отношении подчинявшийся генерал-губернатору наместничества Шэньси — Ганьсу, был выделен в отдельную провинцию.

1. Думан Л. И. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.—Л., 1936.
2. Синьцзян тучжи (Историко-географическое описание Синьцзяна с картой). [Б. м.], 1923.
3. Gale E. M. Some Chinese Sources for the Study of the North-Eastern Asia.— «Journal of the North-China Branch of the Royal Asiatic Society». 1933, vol. LXIV.